

Ложась в постель, я почувствовала, словно груз с плеч свалился. Прежде всего, я никогда не хотела занимать пост канцлера. К тому же у меня не было шансов отслужить полный срок. Но рутина новой повседневной жизни изменила мою точку зрения. Жизнь и работа в резиденции канцлера. Встречи с большими шишками каждый день, где именно я раздавала указания, а не они. Планирование военных действий. Даже неудачные попытки как-то сносно регулировать фондовый рынок с помощью законодательных органов. Мало-помалу пост канцлера стал казаться настоящей работой.

Теперь всему пришёл конец. Жребий был брошен. Франсуа ни за что не оставит меня у власти после того, как я уничтожила их экспедиционный корпус. Они не уверены в собственной способности навязать свою волю, поэтому будут жаловаться своим союзникам, пока все они не согласятся, что я должна уйти. Конечно, их предыдущее обещание сохранить нейтралитет может смутить кого-то, но вряд ли Союзное Королевство откажется от силовой дипломатии.

Мне не угрожала никакая физическая опасность. В политике соблюдалось лишь одно-единственное Золотое Правило - помощь опальным бывшим политикам. В конце концов, никто никогда не знал, кто станет следующим, чью политическую карьеру погубит скандал или война. Меня ждёт лишь хорошая тёплая ссылка. Более того, чем больше дипломатических усилий Франсуа приложит, чтобы убедить своих союзников отказаться от своих принципов и отправить меня в ссылку, тем меньше у них шансов останется, чтобы получить международную помощь в сборе репараций. Беспроницательный вариант.

Все, что мне нужно сделать - подождать пару недель. Последний рывок, и всё будет кончено.

Я спала, как младенец.

Пробуждение следующим утром было не из приятных. Конечно, во время войны я привыкла спать и меньше, но тогда опасность и приливы адреналина в крови помогли мне справиться с недостатком сна. С другой стороны, теперь у меня был доступ к лучшему кофе. В конечном счёте, думаю, я отлично симулировала бодрость во время обсуждения бюджета.

Сами новости оказались лучше, чем я ожидала. Экономика страны продолжала восстанавливаться. Хотя люди были расстроены продолжающейся оккупацией, все, кто жил за пределами пострадавшего района, продолжали как обычно приходить на работу. В каком-то смысле впечатляло, что финансовая политика предыдущего правительства оказалась гораздо более губительной для страны, чем армия вторжения. Конечно, как неоднократно подчеркивал мой министр финансов, подлинное процветание останется за пределами нашей досягаемости, если мы не сможем изгнать иностранную армию с нашей земли и избежать будущих репарационных выплат.

Что ж, я постараюсь сделать всё, что в моих силах. Интересно, будут ли будущие поколения благодарны мне за ту руку помощи, которую я дам экономике, изящно уйдя с поста канцлера. Хотя, вместо того, чтобы полагаться на такую хрупкую вещь, как человеческая благодарность, было бы лучше приложить усилия, чтобы обеспечить себе роскошную ссылку. Я хотела бы жить рядом с пляжем, по крайней мере.

Я оторвалась от своих грёз, когда встреча подошла к концу, и подтолкнула Вишу локтем, чтобы взбодрить её. Она вернулась с задания в то время, которое лучше назвать ранним утром, чем поздним вечером. Из того, что она мне рассказала, я поняла, что удивительно большое количество солдат Франсуа просто решили сдаться на месте. Разумно с их стороны, когда

альтернативой был побег со вражеской местности глубокой ночью, не имея ничего, кроме одежды на теле и винтовки в руке. Приятные известия, но Виша чувствовала себя обязанной караулить их, пока не прибыла центральная армия и не взяла их под стражу.

Виша оставила Вайсса координировать воздушные действия магов с целью помочь центральной армии поймать сбежавших солдат, в то время как она сама вернулась в Берун, чтобы выполнить свой долг в качестве вице-канцлера. Она никогда не проявляла особого интереса к обсуждению бюджета, но, по крайней мере, немного оживилась, когда мы вышли на улицу и направились к следующему нашему месту назначения.

Киффхэюзрбанд, головная организация Ассоциации Ветеранов войны, официально являлась политически нейтральной лигой. Тем не менее, они предоставляли места для проведения различных мероприятий общественным деятелям, и меня всегда были рады видеть там. Данная вылазка не являлась частью какой-то кампании, но никогда не мешало сплотить граждан. Более того, это идеальная причина, чтобы появиться на публике рано утром.

В качестве бонуса, мы решили пройтись по Посольской улице по пути к месту встречи. Наш полицейский эскорт держался в тени, поэтому люди, мимо которых мы проходили, могли свободно подходить к нам и высказывать свои мнения. Нас не окружила толпа или что-то подобное. Джерменцы были довольно сдержанными, и их было не так много вокруг таким ранним утром. Несмотря ни на что подобная прогулка была ещё одним прекрасным шансом быть замеченной.

Я была приятно удивлена тем, как единодушно все выражали мне свою поддержку. Похоже, общественность всё ещё обвиняла Франсуа в их гнусных действиях и ещё не отвернулась от меня за то, что я не смогла остановить оккупацию. Мне было даже почти жаль бегущих солдат Франсуа, которые решат попытаться счастья в джерменской деревушке. Сомневаюсь, что кому-то из них, добравшимся до маленького городка, посчастливится хотя бы попасть под стражу к национальным властям.

На самом деле, было трудно сопереживать им. Когда вы пересекаете границу, чтобы вторгнуться на земли своего соседа, вы не всегда можете уйти тем путём, каким хотите.

Зрительный зал, в котором должна была пройти встреча, когда мы наконец прибыли, был переполнен. Я думала, что большинство ветеранов воспользуются любой возможностью поспать подольше, как только они уйдут из армии, но кажется, старые привычки умирают тяжело.

Меня охватило странное чувство, когда я оглядела комнату и поняла, что я в последний раз выступаю перед такой большой толпой. Возможно, это был даже последний раз, когда я вижу с кем-то из моих товарищей-ветеранов. Не то чтобы я и вправду служила с кем-то из этих людей, конечно. И всё же я чувствовала что-то... Я приложила все свои усилия, чтобы лишённое здравого смысла чувство не повлияло на мою речь.

В речи, если честно, не было ничего особенного. Я кратко упомянула об успехе новой валюты. Похвалила людей за небольшой экономический бум, охвативший страну. И, конечно, громкоподобно обвинила Франсуа, обещая неясные, но страшные последствия, если они продолжат выбранный ими курс действий. Всё как и обычно.

Но когда я закончила, аплодисменты и крики толпы были достаточно громкими, чтобы разбудить любого в округе. Я не могла не улыбнуться. Солдаты были той публикой, чьи чувства было легко направлять, в форме они или без.

Закончив речь, я задержалась на некоторое время, чтобы пожать некоторым из них руки и пообщаться. Не было никакой реальной причины так усердно взаимодействовать с толпой, когда я так скоро покину пост канцлера, но я уже просто привыкла к подобному после многих лет предвыборной кампании. К тому времени, как мы ушли, остатки той странной меланхолии, охватившей меня на сцене, уже рассеялись.

Жребий был брошен. Больше не было смысла размышлять над всеми плюсами и минусами уже принятого решения. Нет, более того, теперь я могла сосредоточиться на положительных аспектах. Например, на бремени, которое я собиралась оставить позади. У меня был целый список таких положительных моментов, над которыми я могла поразмышлять, пока шла домой.

К тому времени, как я добралась до своего офиса, я чувствовала себя такой жизнерадостной. Я даже вспомнила свою первую работу из прошлой жизни - выкладка товара на полки в продуктовом магазине. Я никогда не любила черную работу, но две недели после того, как я ушла оттуда, я чувствовала нечто похожее, что чувствую сейчас. Есть что-то в том, чтобы знать, что все хлопоты твоей нынешней работы скоро станут проблемами другого человека. Подобное заставляет твои будущие перспективы открыться в новом свете.

Оглядываясь по сторонам, я видела множество маленькие напоминаний обо всех

тех ежедневных неприятностях, к которым я постепенно привыкла. Скоро они станут просто воспоминаниями, и когда-нибудь смогут даже послужить источником ностальгии, имеющей мало общего с реальностью.

Я была почти свободной.

Конечно, я чувствовала себя ответственной за судьбу Джермении. Я не собирался бросать свою страну и оставлять своего преемника в беде. Было несколько вещей, которые мне нужно было сделать, чтобы помочь стране оставаться на пути в светлое будущее. Первой из них стала моя утренняя встреча с генералом Лергеном и доктором Шугелем.

Когда я приехала, оба мужчины уже ждали меня в конференц-зале. Доктор Шугель перебирал в руках чётки, а генерал Лерген был глубоко погружён в свои мысли. Я положила папку с моими заметками на стол с небольшим хлопком, приложив немного больше силы, чем было необходимо, когда я села. Как только я убедилась, что привлекла их внимание, я начала нашу встречу.

- То, что я собираюсь вам рассказать, - одна из самых сокровенная тайн страны, - сказала я. - Случайное открытие на самом деле. Побочный эффект структурирования боевых заклинаний с помощью гражданских вычислительных сфер.

Я объяснила весь процесс, который привёл к случайному открытию того, что я назвала, за неимением лучших слов, как скрытый каст. Генерал Лерген начал немного отвлекаться, погружаясь в свои мысли, когда я углубилась в технические детали, но тут же снова встал на стойке смирно, поняв важность того, что я говорила. Со своей стороны, доктор Шугель начал лихорадочно набрасывать математические уравнения, несмотря на то, что я ещё не закончила говорить. Кажется, он работал над расчетами, лежащими в основе заклинания, усиливающего физическую силу.

- Необнаружимая магия - сказал генерал Лерген. - Неужели что-то подобное возможно?

- Расчёты верны, - ответил доктор Шугель. - Если убрать весь ненужный мусор, останется изящная структура заклинания, излучающая очень мало маны.

Конечно, Шугель считал, что меры предосторожности, заложенные в любое заклинание, - лишь "ненужный мусор". Он был высокомерным сторонником теории, а не практики ещё до того, как к нему заглянуло существо Икс, давшее ему ещё большее раздутое чувство собственной важности. К сожалению, он также был и ведущим экспертом страны в разработке передовых вычислительных сфер.

- "Необнаружимая" - сильно сказано, - сказала я. - Точнее будет сказать, что подобный каст заклинаний не может быть обнаружен с помощью современных технологий. Как только другие страны придут к похожей концепции, я считаю, начнется новая гонка вооружений. И я намерена стартовать в ней первой.

- Доктор Шугель, - продолжила я, - надеюсь, вы хорошо провели свой отпуск. Страна нуждается в вас.

Пришло время поставить силу воздушных магов страны под национальный контроль. Было немного глупо иметь подобный военный потенциал, стеснённый лишь бюджетом политической партии. Я надеялась, что страна скоро получит международное разрешение на то, чтобы принимать магов на военную службу, но пока что подобный проект должен оставаться абсолютно секретным. В конечном счёте, мой преемник будет решать, что с ним делать. А пока что генерал Лерген мог обеспечить соответствующий надзор за проектом.

- Очень хорошо, - ответил Доктор Шугель. Казалось, он хотел сказать ещё что-то очень напыщенное. Я заговорила прежде, чем он успел даже начать.

- Элия поможет вам с организацией проекта, - сказала я. - У вас будет три цели. Во-первых, разработать преемника Типа- 97. Во-вторых, разработать военную сферу, способную к скрытному касту. Наконец, разработать улучшенный магический сенсор. Готовы ли вы к подобному вызову?

- Если Бог на моей стороне, о чём мне беспокоиться?

- Ясно, - сказала я. Я почувствовала, как моя бровь дернулась, но в остальном мне удалось не выдать свои эмоции.

Я утешила себя, представив реакцию "доброго" доктора, когда он узнает, что Вайсс будет непосредственно контролировать ход его работы. Если корпус воздушных магов когда-либо будет создан как отдельное учреждение, бюрократия в ней должна управляться именно воздушными магами. К сожалению, из-за существующей правовой среды, подобное может произойти только в неофициальном секретном проекте, но нужно же с чего-то начать. Даже если меня уже не будет рядом, когда такое учреждение будет создано, я была счастлива и тем, что задала всему процессу начальный импульс.

Вайсс во главе проекта также сможет сдерживать доктора Шугеля от его губительных для лётчиков-испытателей тенденций .

В любом случае, доктор Шугель улыбался, когда я проводила его из комнаты. После я вернулась к столу и достала из папки карту западной части страны. Я разложила её на столе, чтобы использовать её в качестве справки.

- Первое испытание скрытного каста в реальном бою произошло уже прошлой ночью. Пятьдесят один дружественный воздушный маг смог проникнуть глубоко во вражеский лагерь под покровом темноты. В результате магии, прикрепленные к 32-му экспедиционному корпусу, были убиты, тяжелая техника уничтожена, а пехота обращена в бегство.

- Что?

Его недоумение выглядело искренним. Иногда меня всё ещё удивляло, как медленно новости распространяются до появления интернета и мобильных телефонов со встроенными видеокамерами.

- Центральная армия взяла большинство из вражеских солдат под стражу и отслеживает остальных, - продолжила я. - Я прошу прощения за то, что самостоятельно без вашего ведома отдала приказ армии, но время имело большое значение.

Я также посчитала, что ему лучше не пачкать руки, на всякий случай.

- И что Вы собираетесь делать дальше?

- Я рассчитываю вскоре встретиться с Франсуа за столом переговоров. Теперь они вряд ли смогут игнорировать нас, - ответила я. - Что касается вас, то необходимо как можно скорее расформировать все подразделения, которые запрещены нам по договору Триано.

- У нас нет... - начал он и помассировал переносицу. - Не понимаю. Вы уничтожили армию Франсуа и теперь хотите уменьшить размер нашей собственной?

Он казался расстроенным. Я могла его понять. Все его инстинкты военного офицера, должно быть, буквально кричали ему, чтобы он воспользовался этой возможностью и прорвался на территорию Франсуа всеми доступными силами. Отказаться от плодов многолетнего тяжелого труда и ослабить армию, находящуюся под его командованием, должно быть даже мысль о подобном приносила ему физическую боль. К сожалению, нам необходимо поступить именно так. В конце концов, именно агрессивные инстинкты привели Империю к катастрофической, всё увеличивающийся войне.

- Ну, если мы договоримся об отмене ограничений договора Триано, - сказала я, - будет немного подозрительно, если на следующий же день целая армия явится на службу.

- Что если Франсуа решат вторгнуться ещё раз?

Учитывая их неоднократные ничем не спровоцированные вторжения на нашу территорию, вполне возможно, что Франсуа согласится на какой-то договор, а затем неожиданно нападут сразу после того, как меня отправят в ссылку. Я считала подобное маловероятным, учитывая позицию международного сообщества, но было бы безответственно не придумать запасной план.

- Мы сразу поймём, если они решат напасть на нас. По крайней мере, им потребуется некоторое время, чтобы возместить потери среди воздушных магов, - сказала я. - Так или иначе, в случае вторжения ваш долг - немедленно сдаться.

- Как неожиданно, - сказал он. Он выглядел так, словно его застали врасплох и он не знал, что и думать. Скорее всего, он испытывал противоречивые чувства: облегчение от того, что мы избежали битвы, в которой точно бы проиграли, и гнев от того, что ему отказали в шансе защитить свою родину.

- Воздушные маги, которых я обучала, скроются среди гражданского населения, - сказала я. - Тогда, если Франсуа попытаются оккупировать всю страну или навязать нам какие-то обременительные условия, они смогут нанести удар из тени.

- Вы намерены полагаться на террористические угрозы?

Я могла понять его отвращение. Для нации намеренно полагаться на террористические действия с целью изгнать иностранную армию, было по существу прямым признанием того, что её собственная армия не может справляться с возложенной на неё задачами.

- Конечно, использование воздушных магов для правительственных целей незаконно, - сказала я. - Только группа, свободная от правительственного контроля, сможет участвовать в кампании, направленной на политические убийства.

Конечно, моя роль во всём этом будет ограничена чтением статей в газетах о происходящем. Мне почти жаль Франсуа, учитывая, что сможет натворить Элия, если её никто не будет сдерживать. Что ж, я не забуду выпить бокал вина в знак сочувствия.

- Я категорически не одобряю подобный курс действий.

Генерал Лерген действительно идеально подходил для операции "оборотень". Вот почему я не дала ему участвовать в операции "разоружить и разогнать". Его любовь к чистому и честному ведению военных действий была высечена на его костях. Его явное презрение к различным коварным тактикам было неоспоримо. Если ему придётся встать перед Франсуа, он несомненно будет отрицать любую причастность к подобным презренным нападениям... признавая, конечно, что данные террористические акты были мотивированы законными жалобами. Будущее страны в хороших руках.

- Конечно, если у вас есть способ получше, чтобы удержать ручки Франсуа подальше от нашей страны, я открыта к любым предложениям, - сказала я.

К сожалению, неспособность наших военных защитить границу была простым и неоспоримым фактом. До тех пор, пока подобное не будет исправлено, мы можем лишь прибегнуть к альтернативным методам. Я на мгновение остановилась, чтобы он осознал мои слова, прежде чем продолжить.

- В любом случае, подобное следует обсуждать за столом переговоров, - сказала я. - А пока у меня есть для тебя один проект.

Данный проект являлся скорее личным, но и страна извлечёт выгоду из него. Нормально быть эгоистичным иногда, не так ли?

- Ого?

- Просмотрев данные с прошлой войны, мы обнаружили, что почти все наземные боевые столкновения ограничивались дистанцией в 300 метров. Выдавать всем винтовки с километровой дальностью стрельбы, - пустая трата ресурсов, - сказала я. - Хуже того, длинноствольные винтовки мешают в ближнем бою. С другой стороны, пистолеты-пулеметы, которые идеально подходят для ближнего боя в окопных боях, неэффективны на больших дистанциях.

- И что вы предлагаете? - Спросил он. Он все еще казался немного встревоженным, но теперь, когда разговор перешёл от таких щекотливых тем, как текущее состояние наших Вооруженных сил, он чувствовал себя намного увереннее.

- Если мы уменьшим мощность стандартного винтовочного выстрела, это уменьшит отдачу. Автоматический огонь станет более практичным, но менее точным, - сказала я. - Винтовка,

оснащенная переводчиком огня, может использоваться для точного полуавтоматического огня на 300 метров и в качестве пулемёта вблизи.

В моем старом мире самой культовой и универсальной штурмовой винтовкой, конечно же, был АК-47. Коммунистическое изобретение загнало в угол рынок революционного оборудования, будучи дешевым, надежным и достаточно хорошим, чтобы выполнять поставленные на неё задачи. Незадолго до смерти я читала статью, в которой утверждалось, что АК-47 и его модификации претендовали на рекорд по убийству большего числа людей среди различных конструкций оружия, обойдя Римский Гладиус, который был предыдущим чемпионом.

Конечно, было глупо полагаться на такого рода поп-историю. Тем не менее, меня всегда раздражало, что коммунисты могли похвастаться тем, что среди из достижений была такая превосходная конструкция оружия. Я намеревалась использовать своё положение канцлера наряду с преимуществами путешественницы во времени, чтобы побудить разработать такой же проект достойную этого капиталистическую нацию. Возможно, у меня и было несправедливое преимущество, но я никогда особенно не беспокоилась о справедливом отношении к коммунистам.

- Я не уверен, что люди согласятся на менее мощную винтовку, - сказал генерал Лерген. Не было никаких сомнений в том, что он понимал то, каким образом мыслят его солдаты. Ни один солдат не обрадуется, узнав, что его винтовку заменяют на более слабую. Конечно, с помощью надлежащего маркетинга подобного рода возражения могут быть устранены. Важным фактором было то, что более мощные винтовки не обязательно создавали более мощную пехоту.

- Для каждой роты мы можем выдать винтовки для стрельбы с дальних расстояний нескольким снайперам, - сказала я. - но большинству солдат нужно дать тот инструмент, который подходит для выполнения тех задач, которые мы им поручаем.

- Вы уверены?

- Я настаиваю, чтобы мы, по крайней мере, разработали несколько прототипов штурмовых винтовок и проверили их целесообразность, - сказала я.

К счастью для моего плана, имперская позиция строгой меритократии* процветала и в Республике Джермении. Как только у армии появится шанс испытать предложенное оружие, станет уже не важно, что замысел новой винтовки принадлежал бывшему канцлеру, проект получит справедливого отношения. (*Меритократия - принцип управления, согласно которому руководящие посты должны занимать наиболее способные люди, независимо от их социального происхождения и финансового достатка.)

- Штурмовая винтовка? По крайней мере, название цепляет, - сказал он.

У-у-упс. Прошло много времени с тех пор, как я использовала подобный устаревший жаргон. Что ж, думаю, такое приходит само собой, когда вы пытаетесь заставить людей построить винтовку из будущего. Не такая уж и проблема.

- Помните, эффективная дальность стрельбы не более 300 метров, и возможность использовать режим автоматического и полуавтоматического огня, - сказала я. - Кроме того, сделайте акцент на надежности конструкции.

- Мы всегда так делаем, - ответил он, выглядя немного обиженным.

- Чрезвычайный акцент. Бросьте винтовку в пруд в ночь перед тестом. Используйте магазин для забивания гвоздей. Вымочите его в грязи и крови, - сказала я. - Мондрагон, выданный воздушным магам, - замечательное оружие, но я едва могла поддерживать его в рабочем состоянии, пока находился на передовой. А ведь я могу использовать магию. Винтовка никому не нужна, если она не может стрелять.

Легендарная надежность была одним из основных пунктов популярности АК-47. Чтобы украсть его успех, наша версия должна обладать нечто подобным или быть даже лучше. Доктор Шугель был образцовым примером того, как джерменская инженерия уделяла больше внимания передовым технологиям и различным прикамбасам, чем таким вещам, как долговечность и надёжность. Однако Генеральный штаб не хуже меня знал, какие бывают условия на фронте. Мне просто нужно было чуть напомнить им, чтобы наши инженеры сосредоточились на более важных вещах.

- Хорошо, - сказал он.

Я улыбнулась. Мне было приятно, что мне удалось в чём-то обыграть коммунистов, даже если они никогда этого не поймут. Мне осталось лишь сыграть свою роль на международной арене, прежде чем я смогу уйти на заслуженный отдых и расслабиться.

ooOoo

Новости действительно расходятся медленно в эти дни. Я весь день ждала, что иностранный посол будет жаловаться мне по поводу пропавшего корпуса Франсуа, но он так и не пришёл. Конечно, я поручила Вайссу помешать солдатам Франсуа пересечь границу, чтобы не допустить утечки информации, но я не ожидала, что он добьется такого успеха. Хоть кто-то да должен был добраться до Лотьерна. Возможно, я недооценила, как трудно пройти пятьдесят километров в темноте на одних двоих.

В конечном счёте, вечером я выступила по радио с речью о славном восстании джерменского народа, которое заставило иностранных захватчиков бежать, спасая свои жизни. Даже тогда никто не прислал ожидаемое мной дипломатическое сообщение. Возможно, они думали, что я просто блефую, или что пытаюсь говорить о революции, которая ещё даже не произошла. Честно говоря, я не хотела утруждать себя попытками понять, о чём они думали. Мне нужно было наверстать упущенное и выспаться.

На следующее утро меня разбудил стук в дверь спальни. Мне потребовалось время, чтобы чуть взбодриться, прежде чем я ответить.

- Да?

- Мадам канцлер, - голос принадлежал одному из посыльных, работающих на резиденцию канцлера, хотя его имя выскользнуло из моей памяти сразу, как он представился, - посол Единых Штатов и посол Союзного Королевства хотят видеть вас как можно скорее.

В армии подобные слова означали, что тебе нужно уже со всех ног бежать к своему старшему офицеру. Однако я больше не служила в армии, и они, конечно, не были моими старшими офицерами. Я запустила пальцы в волосы, чтобы распутать их, и посмотрела на часы. Семь утра. Если они ждали так долго, чтобы провести эту встречу, они могли подождать ещё немного.

- Пусть подождут у моего кабинета, - приказала я. - Я буду в восемь.

- Да, мэм.

Сладко потянувшись и широко зевнув, я усмехнулась. Подобные мелочи, являющиеся неотделимым атрибутом власти, были намного веселее, когда именно у вас было данное преимущество, пусть и временное. Возможно, и к лучшему, что я уйду с поста канцлера раньше, чем подобные вещи укоренятся в моей голове.

После долгого душа и обильного завтрака ровно в восемь я уже ждала послов в своём кабинете. Когда их провели внутрь, мужчины вступили в короткий спор, прежде чем мистер Джонсон отступил и предоставил слово мистеру Ллойд.

- Прошлая ночь выдалась довольно бурной, - сказал мистер Ллойд. Подобным тоном он скорее мог приказать выпороть горничную после того, как она разбила бы фарфоровую вазу.

- Полагаю, что так и было, - сказала я, довольная тем, что теперь они, наконец-то, возьмут инициативу на себя.

- Франсуа нам все уши прожужжали, - пожаловался мистер Джонсон. - Они говорят о каких-то небывлицах.

Могу себе представить. Даже я знала не так уж много, как хотелось бы, о текущем положении дел, получив только рапорт Виши и короткую телеграмму от генерала Циглера. А ведь территория удерживается именно моими людьми после военной операции, которую я лично спланировала и возглавила. Франсуа, вероятнее всего, просто в панике из-за диких предположений, которые они себе наводумывали. Они, должно быть, растрезвонили о своих страхах всем союзникам, до которых только смогли добраться.

Конечно, то, что я могла абстрактно понять ситуацию мистера Джонсона, не означало, что я испытывала к нему какую-то особенную симпатию.

- Надеюсь, вы поделились с ними той замечательной поговоркой, - сказал я, - о быке и рогах*.
(*Двенадцатая глава)

По крайней мере, у него хватило такта выглядеть смущенным. Если уж собираешься выглядеть как крутой парень, говорящий о реальной политике* в жестком мире, не жди, что я поддержу тебя. (*Realpolitik - вид государственного политического курса, сущностью которого является отказ от использования всякой идеологии в качестве основы государственного курса. Был введён и осуществлялся Отто фон Бисмарком)

Спустя мгновение мистер Ллойд решил поддержать разговор.

- Что произошло в Дуйсбуше, канцлер?

Очевидно, я не могла сказать правду. Я также не хотела врать напрямую.

- Неужели так трудно понять? Оккупационные силы, которые ведут себя так жестоко, естественно, побуждают к восстанию, - сказала я, пожимая плечами.

С определенной точки зрения то, что я говорила, было даже правдой. Не то, чтобы мои собеседники оценили бы такой педантизм. Гораздо важнее было то, что, по крайней мере, мои слова звучали несколько правдоподобно. Тем более, они, скорее всего, уже обнаружили, что все воздушные маги, приставленные к экспедиционному корпусу Франсуа, мертвы, что пока не будет точно подтверждено какое-то время. Даже тогда будет более вероятно казаться, что они

были убиты во сне недовольными гражданами, а не нынешняя джерменская армия каким-то образом загнала их всех в угол, не позволив никому сбежать.

Суть была в том, что всё будет в порядке, даже если они подозревали, что я лгу. Мне не нужно было их доверие. Мне просто нужно было избежать клейма "преступника", которое сорвёт с меня ореол бывшего национального лидера и заменить мою ссылку, где я смогу отдохнуть, сырой тюремной камерой.

- Франсуа обвиняют вас, - начал Мистер Ллойд, прежде чем я прервала его.

- Когда-то Франсуа обвиняли Империю в сопротивлении после того, как они нагло вторглись на наши земли, - сказала я, хлопнув ладонью по столу. - Похоже, чтобы осчастливить мистера Миранде, нам всем нужно поехать в Рур и лично удерживать тамошних девушек, чтобы его солдаты могли с ними повеселиться.

Лёгкий шок показался на лице обычно невозмутимого мистера Ллойда. В свою очередь, я не могла не почувствовать раздражения. Может, я и выглядела хрупкой, но я всё-таки восемь лет прослужила в армии. Грубый язык был мне не чужд. Я попыталась направить своё раздражение в продуктивное русло.

- Вы так старательно сохраняли нейтралитет, пока Франсуа бесновались на моей земле, - сказала я, постукивая пальцем по подбородку. - Теперь, когда жертвы смогли дать отпор, я чувствую некоторую предвзятость с вашей стороны.

Очевидно, заявление Союзного Королевства о нейтралитете не было железобетонным обязательством. Столь же очевидно, что они могли бы выразить своё недовольство по поводу того, что я явно действовала противозаконно, если уж каким-то образом сумела так легко выместить армию Франсуа из страны. Тем не менее, подобное повредило бы их репутации, если они бы отказались от своего слова так скоро после того, как они дали его. Конечно, они бы, всё равно, сделали нечто подобное в мгновение ока, если бы здесь затрагивались их интересы. Но теперь они вряд ли будут поддерживать Франсуа в следующих переговорах.

- Мы не хотим, чтобы вновь началась война, - сказал мистер Ллойд с поразительным апломбом. Он явно был профессиональный дипломатом, раз уж сумел притвориться честным посредником даже в такой ситуации.

- Как и я! Я уже несколько месяцев пытаюсь покончить со всем этим мирным путём, - пожаловалась я. - Усадите Франсуа за стол переговоров, чтобы мы все смогли обсудить ситуацию в тихой обстановке, как взрослые, и мир ещё может восторжествовать в наше время!

Просто ещё одна форма подготовки к бою.

Франсуа, естественно, хотят, чтобы предстоящая дискуссия была как можно более узконаправленной. Они сосредоточатся на утверждениях, что я нарушила договор Триано и напала на их солдат, что, в принципе, я и сделала. Помимо этих двух тем, они также захотят, поговорить о том, на что они имеют право согласно договору. С их точки зрения, в идеальной ситуации они бы диктовали нам свои условия, подкреплённые их военной мощью. Поскольку подобное больше не работает, они захотят сесть за стол переговоров и позаимствовать военную мощь своих союзников, чтобы заставить нас подчиниться.

Конечно, Союзное Королевство и Единые Штаты вкладывали деньги в свои армии и оснащали их не только ради целей Франсуа. Если Франсуа будут разбрасываться их именами, они захотят иметь своё право голоса в том, как всё будет разрешено.

Нечто подобное меня вполне устраивало. Я хотела, чтобы дискуссия была открытой. Я хотела поговорить о справедливости, естественных правах и будущем всей Европы. Я также хотела, чтобы было вовлечено как можно больше стран, обеспокоенных своими собственными интересами. В идеале жалобы Франсуа затерялись бы во всеобщей суматохе. Конечно, такой идеальный сценарий маловероятен. Тем не менее, чем больше интересов в конечном итоге преследовалось, тем менее вероятно, что Франсуа в конечном итоге достигнут своих целей.

Так как мы все трое хотели одного и того же, нам потребовался всего час или около того, чтобы прийти к соглашению. Через неделю представители Союзного Королевства, Единых Штатов, Республики Франсуа, Антанты Легадони и Республики Джермении соберутся вместе впервые после окончания Великой войны. Моя международная лебединая песня официально должна была состояться на второй конференции Лондиниума.

ooOoo

<http://tl.rulate.ru/book/25868/538191>